

Глава 25. Тигр

— Папа! — раздались восторженные крики детей со двора.

Находившиеся в комнате супруги поспешно отпрянули друг от друга, как пойманные за воровством. Сяо У с улыбкой переглянулся с Гу Цинем, а тот, фыркнув, выставил его за дверь. Охотник уходил неохотно: только-только начал налаживать близость с мужем, как эти «хвостики» всё испортили.

— Папа... — робко начали дети, заметив недовольный взгляд отца. Их пыл тут же поугас.

— Папа, это ты того огромного тигра добыл? Отец Ху-цзы сказал, видел, как ты спускался с горы с тигром на плечах, такой величественный! Мы с сестрой сразу прибежали. Папа, ты такой сильный! — Сяочи, несмотря на малый возраст, быстро сообразил, что отец не в духе, и принялся льстить ему, заглядывая в глаза.

Вышедший во двор Гу Цин не сдержал смеха, услышав речи Сяочи. Сяо У, видя радость мужа, тоже немного оттаял.

Гу Цин с опаской разглядывал добычу. Тигр тянул фунтов на пятьсот-шестьсот; такого зверя и втроем-вчетвером не всегда завалишь. Он с сомнением покосился на Сяо У: уж не скрытый ли он мастер боевых искусств из легенд?

— Что будем делать с тушей? — спросил он.

— Шкуру отвезем в ресторан «Юньсюань», кости и детородный орган — в лечебницу «Цзиши». Мясо либо оставим себе, либо продадим, — ответил Сяо У, принимаясь за дело. В разделке добычи он был опытным мастером.

Шкуру снимали так же, как барсучью, и Гу Цин, уже набравшийся опыта, умело помогал ему.

— Тигриного мяса слишком много, чтобы всё съесть. Лучше продать, — рассуждал Гу Цин, раскладывая куски, отрезанные Сяо У.

Сяо У вытер пот со лба и на мгновение замер:

— Тигриное мясо — редкость, оно лучше всего укрепляет кости и мышцы. Оставим немного себе, остальное продадим в городке.

Гу Цин согласно кивнул.

После полудня они погрузили шкуру и мясо в телегу и отправились в город. Если поспешить, можно было вернуться к сумеркам.

Они направились напрямик к черному ходу ресторана «Юньсюань». Управляющий Ван, увидев их, просиял. Прошлый лисий мех, отосланный хозяину дома, так тому приглянулся, что управляющему доверили еще и дела в квартале Чанлэ. Квартал Чанлэ был крупнейшим игорным домом в округе, и выгоды там было куда больше, чем в ресторане, так что теперь он готов был молиться на эту парочку как на богов богатства.

— Брат Сяо, сколько лет, сколько зим! — Управляющий Ван почтительно сложил руки. — Каким сюрпризом порадуете сегодня?

Сяо У не стал тратить время на пустые разговоры и вытащил тигриную шкуру:

— Такое возьмете?

— Это... это что, шкура белого тигра?! — Голос управляющего Вана дрогнул от возбуждения.

На днях глава дома собирал управляющих из всех уездов и велел искать что-нибудь особенное для подарка столичному вельможе на юбилей. Белая тигровая шкура — редчайшая вещь, из неё выйдет великолепная шуба. Не иначе как небо смилостивилось над ним и подкинуло такой шанс! Если хозяин останется доволен, его могут перевести в город префектуры.

— Брат Сяо, ты меня по-настоящему выручил. За эту шкуру дам пятьсот таэлей.

— Идет, — спокойно ответил Сяо У, хотя внутри тоже удивился цене.

— Господин управляющий, а мясо ваше заведение берет? — спросил Гу Цин.

В обычных семьях делами заправляют мужчины, а гэры и женщины помалкивают. Управляющий Ван с некоторым удивлением посмотрел на Гу Цина. Тот, не понимая причины взгляда, в замешательстве обернулся к мужу, шепотом спрашивая, не сказал ли он чего лишнего.

Сяо У, видя неловкость мужа, ответил за него:

— В моем доме деньгами распоряжается супруг. Я у него под каблуком.

Гу Цин покраснел и, уцепив Сяо У за бок, прошипел:

— Не мели чепухи.

— Я правду говорю. — Сяо У перехватил его руку и крепко сжал.

Управляющий Ван, глядя на невозмутимого Сяо У и их перепалку, расхохотался. Он и представить не мог, что такой суровый мужчина окажется так покорно приручен своим фуланом.

* * *

Глава 26. Лечебница «Цзиши»

Выйдя из «Юньсюаня», супруги отправились в крупнейшую аптеку и лечебницу городка — «Цзиши».

Над дверью висела огромная тыква-горлянка, символ «ху», напоминающий о выражении «врачевать мир с тыквой на поясе». Считалось: чем больше тыква у аптеки, тем искуснее там врачи. У «Цзиши» она была заметно крупнее, чем у конкурентов.

Стоило войти внутрь, как их окутал густой аромат целебных трав.

Гу Цин впервые оказался в настоящей древней аптеке и с любопытством озирался. Его внимание привлек висевший у входа деревянный оберег в виде рыбы. Возможно, из-за созвучия слов «рыба» и «исцеление», такой знак означал пожелание скорейшего выздоровления всем больным.

К тому же аптеки отличались от лавок тем, что работали и по ночам, если кому-то требовались срочные лекарства. Рыбьи глаза никогда не закрываются — так и аптека всегда «бодрствует», готовая принять страждущих в любой час.

За прилавком вдоль всей стены тянулись ряды шкафчиков с множеством ящичков — «шкафы с сотней глаз». В них хранились сотни видов сырья, и на каждом была аккуратно подписана табличка с названием.

Пока Гу Цин восхищался мудростью предков, к ним подошел молодой подмастерье.

— Почтенные, вам к лекарю или за снадобьями?

— Парень, вы тигриную кость принимаете? — Сяо У достал из мешковины кусок кости и протянул ему.

— Тигриная кость? — Глаза подмастерья загорелись. — Обождите, я позову лекаря. — И он быстро взбежал по лестнице на второй этаж.

Вскоре спустился старый лекарь с седыми волосами и бородой.

— Кость продаете?

— Угу. — Коротко кивнул Сяо У.

Старик окинул охотника взглядом, велел положить товар на прилавок и тщательно всё осмотрел.

— Хорошо очищена. — Удовлетворенно кивнул он. — Если отдадите всё вместе, дам шестьдесят пять таэлей. Что скажешь?

Цена Сяо У вполне устроила, и он согласился.

Лекарь велел подмастерью сходить в кассу за деньгами.

— Если еще что будет, приноси. — Улыбнулся старик на прощание.

Сяо У сложил серебро в кошелек-кисет и припрятал за пазуху.

Никто из них не ожидал, что удастся выручить столько денег. Сяо У предложил зайти в кабак и отпраздновать, но Гу Цин наотрез отказался: дети дома голодные сидят. Пришлось Сяо У купить на обочине лепешек и жареную курицу, после чего они поспешили домой. У самых ворот их, как и ожидалось, поджидали дети. Вид у них был такой неприкаянный, что сердце щемило.

— Ешьте медленнее, проголодались, бедняжки. — Гу Цин отрывал детям куриные ножки, не забывая бросать на Сяо У косые взгляды. Мол, погляди, до чего детей довел, непутевый отец.

Сяо У сделал вид, что не понимает, и тайком потянулся к курице.

Шлеп! Гу Цин ударил его по руке.

— Ты мясо ешь, а ножки детям оставь, — сердито буркнул он.

Сяо У потер нос и с обидой пробормотал:

— Вообще-то я тебе хотел одну дать...

Тут уж Гу Цин замялся, но быстро нашелся:

— А я не люблю!

Сяочи протянул папочке обглоданную, измазанную слюнями ножку:

— Папочка, на, поешь.

Гу Цин посмотрел на это сомнительное угощение:

— Папочка правда не хочет, Сяочи, ешь сам, деточка. — Если раньше он отказывался ради приличия, то теперь — от чистого сердца.

Когда совсем стемнело и наигравшиеся за день дети уснули, Сяо У передал все вырученные деньги Гу Цину, и они тоже легли спать.

Сяо У, видимо, воодушевленный утренним примирением, начал распускать руки. Гу Цин в постели почувствовал, как по позвоночнику пробежал ток от этого вторжения в его личное пространство. Вздвогнув, он потрясенно повернулся к мужу и зашептал:

— Ты что творишь? Дети рядом, а если проснутся? — Он попытался оттолкнуть Сяо У, но силы были неравны — охотник даже не пошевелился.

Сяо У нехотя убрал руку, но тут же притянул Гу Цина к себе и обнял всем телом. — Не трогаю, просто поспим так, — прошептал он на ухо. Обидно было: свой фулан под боком, а не укусишь. «Похоже, с постройкой дома надо спешить», — решил он.

<http://bllate.org/book/19018/1869774>